

К ФИЛОСОФСКОЙ ОЦЕНКЕ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

(О гипотезе Сепира — Уорфа — Кожибского)

Г. А. БРУТЯН

В зарубежной лингвистической, этнографической и философской литературе в последние годы очень часто дискутируют вокруг проблем теории лингвистической относительности. Эта теория известна также как «гипотеза Сепира—Уорфа» и еще точнее — «гипотеза Сепира — Уорфа — Кожибского». Согласно данной гипотезе, мышление и поведение людей в основном определяются характером языка, на котором они говорят, или, что то же самое, «реальный мир в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы».

В советской лингвистической литературе обстоятельный анализ теории лингвистической относительности дан в статье проф. В. А. Звегинцева «Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира — Уорфа», помещенной в недавно вышедшем сборнике «Новое в лингвистике», вып. 1 (М. ИЛ, 1960). Ему же советский читатель обязан возможностью ознакомления с некоторыми статьями Уорфа, имеющими важное значение для понимания сущности теории лингвистической относительности, как и вообще с другими работами, отражающими новые направления и идеи в лингвистике.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы акцентировать внимание на некоторых философских аспектах теории лингвистической относительности, которая вышла далеко за рамки лингвистических исследований, и, как конкретизацию этой задачи, показать тесную связь названной теории с одной из разновидностей неопозитивизма — философией общей семантики.

Проф. В. А. Звегинцев в указанной выше статье замечает, что «в общефилософских основах у Б. Уорфа — прямые контакты с так называемой «общей семантикой» (*general semantics*) и различными разветвлениями идеалистической семантической философии»¹, однако он не рассматривает специально эту сторону дела. Между тем в зарубежной философской литературе теория лингвистической относительности известна как «гипотеза Сепира—Уорфа—Кожибского»². Дело, конечно, не только в названии. Рассмотрение теории лингвистической относительности в свете работ не только Сепира и Уорфа, но и Альфреда Кожибского — основателя школы «общей семантики» — дает возможность более точно проследить генезис названной гипотезы и уточнить характер взаимоотношения лингвистического содержания и философских выводов данной гипотезы. В связи с последним необходимо отметить несостоятельность представления о том, будто философские выводы, в частности выводы, сделанные последователями философии общей семантики, представляют собою преувеличение общетеоретических истолкований фактов лингвистической действительности, анализируемых Уорфом при изу-

¹ «Новое в лингвистике», вып. 1. Составление, редакция и вступительные статьи В. А. Звегинцева, М. ИЛ, 1960, стр. 119.

² См. например, Anatol Rapoport, Arnold Horowitz, The Sapir—Whorf—Korzybski Hypothesis: A Report and a Reply.— «ETC.: A Review of General Semantics». Bloomington, Ill, 1960, vol. XVII, № 3.

чении языков американских индейцев. Наоборот, если проследить за развитием указанной гипотезы, нетрудно заметить, что в выводах Уорфа важное значение имела его методология, та философия, которой он руководствовался в процессе изучения языков древних обитателей американского континента, а ею, несомненно, явилась философия общей семантики, в частности философское кредо Альфреда Кожибского, изложенное в его труде «Science and Sanity». Об этом говорит простое сопоставление исторических фактов. Известно, что общетеоретическими проблемами влияния языка на мышление и поведение людей Бенджамен Ли Уорф (1897—1941) занимался лишь в последние годы своей жизни. Более того, при жизни Уорф ничего не опубликовал на указанную тему, хотя и собирался написать большую работу, фрагменты которой впервые были изданы в 1950 г. Между тем основные положения теории лингвистической относительности в обобщенно-философской интерпретации мы находим уже в работе «Science and Sanity» Кожибского, впервые вышедшей в свет в 1933 г.

Составитель биографии Уорфа Джон Каролл пишет, что принцип лингвистической относительности сформулирован Уорфом впервые в статье «The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language» в 1939 г. Статья была опубликована в 1940 г., хотя эта идея, по утверждению Каролла, возникла, как видно из подготовительных материалов, в 1935 г., а может быть еще раньше¹.

Очевидно, что при всех случаях с пропагандой идей лингвистической относительности Кожибский выступил раньше Уорфа.

В то же время в своих последних лекциях и на семинарах Альфред Кожибский убеждал изучающих общую семантику читать статьи Б. Уорфа. И именно под его влиянием статья Уорфа «Science and Linguistics» была включена для дополнительного чтения в книгу Хайакавы «Language in Action» (1941), а статья «Languages and Logic» в антологию, составленную Ли («The Language of Wisdom and Folly» (1949)².

Конечно, было бы ошибочно приписать Кожибскому возникновение теории лингвистической относительности. Известно, что уже в названии анализируемой гипотезы указывается имя американского антрополога и лингвиста Эдуарда Сепира (1884—1939). Сам Уорф неоднократно указывал, что он целиком следует Сепиру. По существу же эта теория в весьма отчетливой форме выдвинута еще Вильгельмом Гумбольдтом (1767—1835). Уже заглавие работы Гумбольдта: «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» недвусмысленно говорит о подходе автора в объяснении умственной деятельности, психического склада людей, хотя в самой книге имеются положения, которые можно истолковать не в смысле влияния языка на духовную деятельность людей, а скорее в смысле их взаимозависимости. Об этом говорит утверждение В. Гумбольдта о том, что «духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что как скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоим»³. Он указывает, что «различие языков основывается на их форме, а эта последняя находится в тесной связи с мировоззрением народа...»⁴. Язык и дух народа Гумбольдт рассматривал как тождественные явления. Более того, у Гумбольдта есть утверждение и о том, что язык зависит от «духовной силы народа». Конкретизируя это положение, Гумбольдт отмечает, что «строение языков человеческого рода различно, потому что различными являются и духовные особенности народов»⁵.

¹ См. Benjamin Lee Whorf, *Language, Thought and Reality. Selected Writings of B. L. Whorf*. Ed. John B. Carrol. New York, 1958, p. 18.

² Об этом см. «ETC: A Review of General Semantics», Bloomington, 11, 1952, vol. IX, № 3, p. 164.

³ «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», составил В. А. Звегинцев. М., Учпедгиз, 1956, стр. 71.

⁴ Там же, стр. 77.

⁵ Там же, стр. 71—72.

Тем не менее у Гумбольдта ясно подчеркивается идея о том, что именно язык определяет духовную природу людей, их мировоззрение. Ходячая фраза среди сторонников и последователей гипотезы Сепира — Уорфа — Кожибского: «В каждом языке кроется своя метафизика» есть лишь повторение идеи Гумбольдта о том, что «в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение»¹.

Учение о языке у Гумбольдта основывалось на идеалистической предпосылке, согласно которой язык — самостоятельная духовная сила, или, вернее, деятельность духовной силы. Именно в этом процессе и приводится в систему, в некий порядок весь хаос впечатлений, получаемых извне. Он исходил из примата языка над мыслью, считал, что язык есть орган, образующий мысль, хотя сам он в этом усматривал «неразрывное единство» деятельности мышления и языка.

Ошибочность тезиса Гумбольдта о функциональной зависимости мировоззрения людей от языка в гносеологическом аспекте объясняется преувеличением роли субъективного фактора в восприятии окружающего мира, а равно и роли «субъективного начала» в языке. Гумбольдт исходил из правильного тезиса, что ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, но настолько акцентировал свое внимание на последнем, что противопоставлял субъективное объективному и в заключение приходил к выводу, что каждая человеческая индивидуальность является носителем особого мировоззрения. Значит, уже в самой субъективности отражения объективного мира он видел индивидуальный характер, своеобразие мировоззрения. Но эту индивидуальность в мировоззрении Гумбольдт отвергал, когда речь шла об индивидах в рамках одной нации, ибо индивидуальному характеру восприятия он противопоставлял общность языка, которую он считал более могучим фактором. И в языке Гумбольдт на первый план выдвигал субъективное начало. Однако последнее он считал однородным для людей, говорящих на данном языке, вследствие чего приходил к заключению о зависимости мировоззрения не от человеческой индивидуальности, а от характера языка конкретного народа. Это положение Гумбольдта, имеющее принципиальное значение для понимания генезиса гипотезы Сепира — Уорфа — Кожибского, выражено автором в следующих словах: «Так как ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, то каждую человеческую индивидуальность, независимо от языка, можно считать носителем особого мировоззрения. Само его образование осуществляется через посредство языка, так как слово в противоположность душе превращается в объект всегда с примесью собственного значения и таким образом приносит новое своеобразие. Но в этом своеобразии, так же как и в речевых звуках, в пределах одного языка наблюдается всепроникающая тождественность, а так как к тому же на язык одного народа воздействует однородное субъективное начало, то в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение»².

Тезис Гумбольдта о зависимости мировоззрения от языка был заимствован прежде всего его последователями в языкознании. И не только в языкознании.

Однако в истории развития этой идеи особая роль принадлежит американскому представителю этнолингвистики Эдуарду Сепиру (1884—1939), который пытался зависимость культуры народа от характера его языка обосновать фактами из индейских языков Америки. Но тут же заметим, что у Сепира наряду с положением о том, что наше отношение к окружающему нас миру в значительной степени зависит от языковых норм, имеются и предупреждения против тенденции установления прямого соответствия между культурой народа и структурой его языка³.

¹ «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», стр. 81.

² Там же.

³ Именно это имеет в виду проф. В. А. Звегинцев, когда замечает: «Называя язык «руководством к восприятию социальной действительности» и проводя идею о том, что «люди... в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для общества, в котором они живут», Э. Сепир вместе с тем это общее положение в применении к проблеме языка и культуры ограничивал рядом весьма существенных оговорок» («История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», часть II, М., Учпедгиз, 1960, стр. 173).

В самом деле, с одной стороны Сепир утверждал: «...Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества». И далее: «Даже относительно простой акт познания в большей степени, чем мы полагаем, зависит от социальных моделей, называемых словами. Если, например, провести ряд линий различной формы, их можно осознать и подразделить на такие категории, как «прямая», «ломаная», «кривая», «зигзагообразная», соответственно классификации, которая устанавливается самими существующими в языке терминами. Мы видим, слышим или иным образом воспринимаем действительность так, а не иначе потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному отбору интерпретаций»¹. На основе этих рассуждений Сепир придает лингвистике особо важное значение для методологии социальных наук. С другой стороны Сепир подчеркивает, что «не существует никакой общей корреляции между культурным типом и языковой структурой. Изолирующий, агглютинативный, или инфлективный строй языка возможен на любом уровне цивилизации. Точно так же отсутствие или наличие, например, грамматического рода не имеет никакого отношения к пониманию социальной организации, религии или фольклора соответствующего народа. Если бы такой параллелизм существовал, как это иногда полагают, было бы невозможно понять быстроту, с которой распространяется культура, несмотря на глубокие лингвистические различия между берущими и дающими общностями»².

Последнее замечание Сепира нам представляется совершенно правильным. В то же время, в свете приведенного положения Сепира, можно прийти к выводу, что его идея о зависимости интерпретации окружающего мира от языковых норм основывается на некотором преувеличении фактов языковой действительности народов на ранних стадиях развития прежде всего и в какой-то мере цивилизованных народов. Сепир справедливо отмечает, что в своей фактической деятельности язык полностью переплетается с непосредственным опытом людей. На основе этнографических наблюдений Сепир указывает на такое широко распространенное явление, как поверье «о физической тождественности или тесном соответствии слов и вещей, что является основой магических заклинаний. Даже и при нашем культурном уровне,— замечает далее Сепир,— нередко бывает трудно провести четкое разграничение между объективной реальностью и нашими лингвистическими символами соотношения с ней; вещи, качества и события вообще воспринимаются такими, как они называются. Для нормального человека всякий реальный или потенциальный опыт насыщен вербализмом»³.

Безусловно, у народов на ранних ступенях развития происходит фетишизация названия вещей, отождествление названий с вещами во многих случаях. У народов на современной стадии развития можно наблюдать аналогичное явление, однако в совершенно другом проявлении. Оно выражается в нечетком разграничении названия вещей от самих вещей, в отдельных случаях — в их отождествлении у детей. Здесь необходимо подчеркнуть, что когда слово вызывает ту же реакцию, что и предмет, обозначенный данным словом, это вовсе не означает, что реагирующий отождествляет их. Для современного интеллектуально полноценного человека вербальный мир далеко не тождествен реальному миру, хотя и, конечно, не противопоставляется ему, ибо является производным от последнего.

Именно экстраполяция опыта народов на ранних ступенях развития на современных людей, с одной стороны, игнорирование качественного различия понимания отношения вербального и реального мира детьми и взрослыми людьми, с другой стороны, и, наконец, преувеличение отдельных фактов фетишизации слов и их отождествления с обозначаемым предметом людьми недостаточного интеллектуального развития привело

¹ «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, часть II».

² Там же, стр. 194—195.

³ Там же, стр. 186.

Сепира к выводу о зависимости поведения людей от языковых норм и обычаев, хотя это положение, как было указано выше, у Сепира приводится с рядом оговорок.

Но именно эти оговорки были устранены Уорфом и в еще большей степени Кожибским и его последователями, которые выдвинули даже универсальный принцип познания — принцип неидентичности, направленный против отождествления словесного мира и реальной действительности, усматривая в этом фактически мнимом отождествлении неправильную ориентацию людей и причины многих их несчастий¹.

Прежде чем приступить к критическому разбору концепции Уорфа и Кожибского, отметим, что непоследовательность их предшественников в объяснении взаимоотношения языка, мышления и действительности по преемственности перешла и в их труды. Некоторые противоречия и путанность в рассуждениях Уорфа отмечают как советские, так и зарубежные исследователи — В. А. Звегинцев, Макс Блэк² и др.

Основными пунктами теории Уорфа — Кожибского являются отношение языка к мышлению и отношение языка к действительности.

Придавая важное значение взаимоотношению языка и мышления, Кожибский посвятил многие страницы своей книги «Science and Sanity» истолкованию этой проблемы. С точки зрения Кожибского, характер мышления определяется характером языка. Аристотель и его непосредственные последователи, по словам Кожибского, «взяли за основу структуру примитивного языка и сформулировали философскую грамматику этого примитивного языка, и эту грамматику, к нашему большому семантическому ущербу, они назвали «Логикой», определяя его как «законы мышления»³. Кожибский отождествляет логику Аристотеля с «аристотелевским языком», понимая под последним индоевропейские языки. Выступая против «аристотелевского языка», Кожибский выразил уверенность в том, что наука XX века, в частности теория Эйнштейна, должна «рассматриваться как построение нового языка со структурой, подобной эмпирическим фактам, известным в данное время». Эту же идею Уорф пытался доказать в статье «The Relation of Habitual Thought and Behavior of Language» (1939), а также в других статьях, что сделало Уорфа единомышленником общих семантиков в вопросах философии языка и крупным авторитетом в их глазах в области лингвистики. Не случайно, что избранные работы Уорфа после его смерти вышли с предисловием популярного представителя философии общей семантики — Стюарта Чейза.

Уорф считает, что мышление человека зависит от характера того языка, на котором он говорит, лингвистическая система определенным образом предопределяет понятийную систему. Наши представления, понятия об окружающей нас действительности обусловлены не самой действительностью, а характером языковой системы. Свое это положение Уорф называет принципом лингвистической относительности. «Мы сталкиваемся, таким образом, — пишет Уорф, — с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»⁴. И далее, он утверждает, что «обнаруживается относительность всех понятийных систем, в том числе и нашей, и их зависимость от языка»⁵. Для полноты воззрений

¹ Об этом см. Г. А. Брутян, Теория познания общей семантики. Критический анализ. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1959, стр. 53—56 и др.

² См. «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 130 и др. Макс Блэк пишет: «В работах Уорфа различные формулировки основных положений часто противоречивы, многое преувеличено, а туманный мистицизм запутывает и без того довольно неясные рассуждения» (там же, стр. 199).

³ Alfred Korzybski, Science and Sanity: Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. Lakevill, Connecticut, 1933, p. 89.

⁴ «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 175.

⁵ Там же, стр. 176.

Уорфа по этому вопросу укажем также, что с его точки зрения «формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других — весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков»¹.

Необходимо заметить, что термины «язык», а также «мышление», как и другие основные понятия этой теории, Уорфом употребляются очень нечетко, что дает основание разным исследователям данной проблемы по-разному истолковывать понимание Уорфом содержания этих понятий. «Ознакомление с работами Б. Уорфа показывает, — пишет проф. Звегинцев, — что он, говоря о языке, в действительности имеет в виду только одну из его сторон, а именно семантическую. Его фактически интересует только совокупность «значений», представленная в языке. И эту совокупность «значений», фиксированных в языке, он совершенно неправомерно отождествляет с языком в целом. Более того, он идет еще дальше в своем сужении и ограничении понятия языка и сводит его даже не к совокупности языковых «значений», а к характеру их членений в разных языках, причем преимущественно только тех из них, которые представлены грамматическими формами языка...»². Определяя сущность гипотезы Сепира—Уорфа—Кожибского в следующих словах: «Структура нашего языка часто определяет наше мышление», Д. Браун считает, что для понимания этой гипотезы необходимо отличать понятие «грамматические структуры» от «значений, выраженных этими структурами»³. Отождествление этих двух различных понятий, по мнению Браун, приводит к ложной интерпретации указанной гипотезы. Считая, что всякое языковое значение, как лексическое, так и грамматическое, находится вне языка, Браун приходит к выводу, что когда говорят о зависимости мышления от структуры языка, мы должны иметь в виду не то, что имеется в самой структуре языка, а то, что мы мыслим с ней. Возражая Браун, А. Рапорт и А. Горовиц пишут: «Мы думаем, что когда Уорф говорил о «структуре языка», он не имел в виду структуру в ее техническом лингвистическом смысле. По всей вероятности, как семантику, так и синтаксис он рассматривал как составляющие структуру»⁴. И далее: «...Совершенно ясно, что хотя Уорф часто указывал на влияние грамматики на семантику, он также брал семантику за исходную точку»⁵. «...Под структурой Уорф понимал нечто более широкое, чем грамматическая структура»⁶.

Не было ясности у Уорфа также в понимании содержания «мышления». Сам Уорф писал, что «мышление крайне таинственно»⁷. Не вносит ясность в этот вопрос также следующая интерпретация Чейза: «Уорф, как я читаю его, выдвигает две кардинальные гипотезы:

Первая: все высшие ступени мышления зависят от языка»⁸. Тем не менее это не помешало Уорфу и его единомышленникам из общих семантиков утверждать зависимость мышления от характера языка, каждый раз под мышлением и языком понимая

¹ «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 174.

² Там же, стр. 120.

³ Dona Worrall Brown. Does Language Structure Influence Thought? — «ETC.: A Review of General Semantics», Bloomington, Ill. 1960, vol. XVII, № 3, p. 339.

⁴ Anatol Rapoport, Arnold Horowitz, The Sapir—Whorf—Korzybski Hypothesis: A Report and a Reply—«ETC», 1960, vol. XVII, № 3, p. 348.

⁵ Там же, стр. 349.

⁶ Там же, стр. 359.

⁷ Benjamin Lee Whorf, Language, Mind, and Reality. «ETC.», 1952, vol. IX, № 3, p. 173.

⁸ Пишет Чейз в предисловии к книге Уорфа «Language, Thought and Reality», p. vi. Что касается второй гипотезы Уорфа, то, она, по интерпретации Чейза, относится к влиянию структуры языка на понимание окружающей действительности.

те или иные их аспекты и в общем неоднозначно употребляя эти термины, что во многом затрудняет раскрытие действительной сущности гипотезы Сепира — Уорфа — Кожибского.

Для подтверждения этой гипотезы Уорф приводил доказательства из области фактов языка. Однако аргументы, приведенные в пользу тезиса Уорфа, в большинстве случаев неубедительны, а порою говорят скорее в пользу антитезиса, чем тезиса.

В качестве иллюстрации своего положения о зависимости понятий, представлений от характера языка, Уорф указывает на то, что в языке хопи есть существительное, которое может относиться к любому летающему предмету или существу, за исключением птиц. Тут же он проводит аналогию с языком SAE (среднеевропейский стандарт) и с языком эскимосов. В то время как для эскимоса «снег на земле» по своему выражению отличается от «падающего снега», а этот последний от «снега, несомого ветром» и т. д., на языке SAE не проводится такой дифференциации. А на языке ацтеков «холод», «лед» и «снег» выражены одним и тем же словом.

Но факты такого порядка говорят вовсе не о том, что в зависимости от характера языка различаются понятия и представления людей об окружающей действительности. Они говорят лишь о том, что условия жизни народа отражаются в лексике языка¹.

Основной тезис Уорфа о национальных различиях логических категорий, обусловленных различиями языковых форм, несостоятелен².

Однако последователи философии Кожибского некритически усматривали в работах Уорфа подтверждение некоторых исходных положений общей семантики. Без достаточного основания Хайакава заявляет, что «человек, говорящий на языке, резко отличающемся по своей структуре от английского языка, таком, как японский, китайский или турецкий может даже не мыслить теми же понятиями, что и человек, говорящий на английском языке...»³. «Исследованиями подобного рода,— пишет Стюарт Чейз совместно с Мариан Чейз,— занимается Институт иностранной службы госдепартамента, где структура индоевропейских и других языков анализируется не только с точки зрения их синтаксиса, но и с точки зрения того, каким образом они заставляют людей мыслить и действовать. Американец будет мыслить не так, как хопи, китаец или житель Тробрианского острова»⁴. Следуя за Кожибским и Уорфом, Филипп Франк утверждает, что революция в науке двадцатого века является лингвистической революцией. «Относительность времени у Эйнштейна — это реформа в семантике, а не в метафизике»⁵,— пишет Франк в книге «Einstein, His Life and Times». На XII Между-

¹ На что правильно обратила внимание О. С. Ахманова. «...Известно,— пишет она,— что у эскимосов имеется много разных названий для разновидностей снега (правда, их, кажется, порядочно и у английских лыжников). У арабов тонко дифференцируются разные явления и процессы, связанные с ездой на верблюдах, и т. п. Однако, даже если бы подобные факты и не были известны, можно было бы априори сказать, что словарь языка должен соответствовать тому, что есть в жизни данного человеческого коллектива. Действительно, если данная группа людей живет главным образом рыбной ловлей, то и словарный состав их языка должен быть обширным и дифференцированным именно в этой области — иметь особые названия для разновидностей рыбы, лодок, сетей и т. п., так же как и для многих подробностей специальной организации, связанной с рыболовным промыслом» («Очерки по общей и русской лексикологии», Учпедгиз, 1957, стр. 41).

² Здесь не рассматривается подробно этот вопрос, ибо он уже освещен с марксистских позиций в статье В. А. Звегинцева «Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира — Уорфа». Против зависимости системы понятий от характера языка выступили и зарубежные ученые, в частности Макс Блэк в статье «Лингвистическая относительность».

³ S. I. Hayakawa, Language in Thought and Action, New York, 1949, p. 21.

⁴ St. Chase, M. T. Chase (in collaboration with). Roads to Agreement. New York, 1951, pp. 199—200.

⁵ Цит. по «ЕТС», 1952, vol. 9, № 13, p. 165.

народном философском конгрессе в Италии Франк сделал обобщающий вывод по этому вопросу: «Современная физика,— сказал он.— ничего не говорит нам о «материи» и «духе», но очень много говорит о семантике»¹.

Все это логически привело Кожибского и его последователей, как и Уорфа, к весьма радикальному и столь же необоснованному выводу о том, что мировоззрение людей, их философские взгляды обусловлены характером того языка, на котором они выражают свои мысли. Еще в «Science and Sanity» Кожибский писал: «...Язык, всякий язык имеет в своей основе определенную метафизику, которая приписывает, сознательно или бессознательно, некоторый вид структуре мира»². Воспроизведение картины мира в сознании людей Кожибский рассматривает как автоматический процесс; каждый воспроизводит такую картину мира, которая соответствует структуре его языка. «Всякий язык, обладая структурой, по самой природе языка, отражает в своей собственной структуре мир, как он понимался теми, кто развивал язык. Другими словами, мы неосознанно читаем в мире структуру языка, которым мы пользуемся»³. И далее Кожибский писал: «Мы не сознаем, какой громадной мощью обладает структура обычного языка. Не будет преувеличением сказать, что она поработает нас через механизм семантических реакций, и структура, которую язык выставляет и влияет на нас неосознанно, является автоматическим воспроизведением окружающего нас мира»⁴. Эти мысли на разный лад повторяются в названной книге Кожибского. Те же идеи мы находим в последних работах Уорфа. По его утверждению, «каждый хорошо образованный технический субязык включает определенные точки зрения и определенные формы противодействия против заметно расходящихся точек зрения»⁵. Он пишет, что «употребляющие разные грамматики должны прийти к разным мировоззрениям»⁶.

В качестве второго пункта теории лингвистической относительности Уорфа, или же второй гипотезы Уорфа, Чейз отмечает следующее: «Картина вселенной меняется от языка к языку»⁷.

Тезис о зависимости мировоззрения, философских взглядов от характера языка, заимствованный у Кожибского и Уорфа, ныне широко пропагандируется некоторыми лингвистами и еще больше общими семантиками, последователями Альфреда Кожибского.

Ст. Ульман весьма одобрительно отзывается о работах Уорфа, посвященных доказательству зависимости мировоззрения от природы языка. По его мнению, «Уорф красноречиво и убедительно доказал, что каждый язык содержит определенную «скрытую метафизику»⁸.

Некоторые последователи общей семантики сделали реакционные политические выводы из тезиса об обусловленности мировоззрения языком⁹. В этом деле особенно отличился Ст. Чейз. Еще в книге «Roads to Agreement» он подчеркивал разницу между характером русского и китайского языков и ставил под сомнение распространение марксизма, «идеологии международного коммунизма» в Китае¹⁰. А еще поз-

¹ Philipp Frank, Present Role of Science, «Atti del XII Congresso Internazionale di Filosofia», Firenze: Sansoni editore, 1958, p. 8.

² A. Kozjubski, Science and Sanity, 1933, p. 89.

³ Там же, стр. 59—60.

⁴ Там же, стр. 90.

⁵ B. L. Whorf, Language, Mind, and Reality. «ETC», 1952, vol. IX, № 3, p. 169.

⁶ Цит. по «Theoria», Pietermaritzburg, 1957, № 9, p. 57.

⁷ B. L. Whorf, Language, Thought and Reality, p. VI.

⁸ St. Ullman, Semantics at the Cross-Roads, «University Quarterly», London, May 1958, vol. 12, № 3, p. 258.

⁹ Об этом см. Г. А. Брутян, Теория познания общей семантики, стр. 297—302.

¹⁰ См. St. Chase, M. T. Chase (in collaboration with). Roads to agreement, New York, 1951, p. 200 и др.

же, в книге «Power of Words», заявил, что в Китае «языковые барьеры против марксизма являются трудно преодолимыми»¹.

Жизнь самым решительным образом отвергла прогнозы Чейза, его безапелляционные заявления. Отличие китайского языка от русского не играет никакой роли в данном вопросе, и марксизм является таким же родным для китайских трудящихся, как и для русских, как и для рабочего класса всех стран.

Примечательно, что и многие зарубежные исследователи разбираемой гипотезы категорически выступают против положения о зависимости философии от языка, «Дело в том,— пишет Макс Блэк,— что метафизическая теория, которую Уорф усматривает в языке,— это совсем не «наивное и несформулированное мировоззрение» непосвященного, а изощренные построения метафизика. Отбросив все надуманные построения самого Уорфа, мы увидим, что философия, которую он обнаруживает у «среднего стандартного европейца», поразительно похожа на одну из версий «Принципов» Ньютона. Если вообразить, что именно такова философия, которая лежит в основе западноевропейских языков и которую остается лишь выразить и сформулировать ученым, то почему же тогда Декарт — тоже «средний стандартный европеец» — пришел к совершенно иной философской метафизической системе? Вряд ли могли воплощать единую философию также и языки Юма и Гегеля»². «Не поступили бы лингвистические философы благоразумно, изучив больше чем один тип языка до попытки выводить философию из лингвистики?» — со справедливой иронией замечает Гомер Дубс в статье «Язык и философия»³.

Не только мышление людей, их мировоззрение, но и поведение, согласно гипотезе Сепира — Уорфа — Кожибского, определяется языком. По мнению Уорфа, «мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений»⁴. Конкретизируя это свое положение, Уорф указывает, что «поведение людей, говорящих на SAE, как и поведение людей, говорящих на хопи, очевидно, многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом»⁵.

Тождество взглядов Уорфа и общих семантиков несомненно и в данном случае. По мнению Рапопорта, одного из видных представителей общей семантики, человеческий опыт состоит в выборе из бесконечного числа определенных стимулов в окружающих условиях, человеческое поведение — из организующего опыта согласно определенным образцам. «Имеются веские доказательства,— пишет Рапопорт,— что как выбирающий, так и организующий образцы имеют определенное отношение к структуре языка и языковым привычкам»⁶. Ст. Чейз делает выводы социально-политического содержания: «Бесконечные политические и экономические затруднения в Америке возникли и преуспевают благодаря плохому языку»⁷.

Заключение об обусловленности поведения людей языком Уорф пытается подкрепить фактами, взятыми из практической деятельности людей. Разберем один из таких доводов. Работая в обществе страхования от огня, Уорф замечал, что, по его словам, не только сами физические обстоятельства, но и обозначение этих обстоятельств было иногда тем фактором, который, через поведение людей, являлся причиной пожара.

¹ St. Chase, Power of Words, New York, 1954, p. 107.

² «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 209.

³ Homer H. Dubs, Language and Philosophy. «The Philosophical Review», New York, 1958, July, p. 395.

⁴ В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, часть II, М., Учпедгиз, 1960, стр. 198.

⁵ Там же, стр. 213.

⁶ Anatol Rapoport, What is Semantics? «Language, Meaning and Maturity, Selections from «ETC», 1943—1953». Edited by S. I. Hayakawa. New York. Harper and Brothers, 1954, p. 15.

⁷ St. Chase, The Tyranny of Words, New York, 1938, p. 22.

Если около склада бензиновых систем люди ведут себя с большой осторожностью, ибо там указаны «бензиновые цистерны» («gasoline drums»), то рядом со складом с названием «пустые бензиновые цистерны» («empty gasoline drums») люди ведут себя недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. «Однако эти «пустые» (empty) цистерны, — пишет Уорф, — могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения. При наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово «пустой», предполагающее отсутствие всякого риска. Существуют два различных случая употребления слова empty: 1) как точный синоним слов null, void, negative, inert (порожний, бессодержательный, бессмысленный, ничтожный, вялый) и 2) в применении к обозначению физической ситуации, не принимая во внимание наличия паров, капель жидкости или любых других остатков в цистерне или другом вместилище. Обстоятельства описываются с помощью второго случая, а люди ведут себя в этих обстоятельствах имея в виду первый случай. Это становится общей формулой неосторожного поведения людей, обусловленного чисто лингвистическими факторами»¹.

Но данный пример по существу говорит не о том, что характер языка определяет поведение людей, их действие, а о том, что у людей, ведущих себя недостаточно осторожно у пустых бензиновых цистерн, не было соответствующих знаний о свойствах бензина. Если бы они знали, что пустые цистерны бензина содержат взрывчатые испарения, они вели бы себя так же осторожно, как около бензиновых цистерн, или еще осторожнее. Равным образом, если кто-нибудь не знает о взрывчатых свойствах бензина, то самое словосочетание «бензиновые цистерны» вовсе не может внушить ему необходимость вести себя осторожно около цистерн.

Уорф правильно замечает, что словосочетание empty gasoline drums (пустые бензиновые цистерны) выражает два различных понятия. Неправильное поведение людей в данном случае, как вытекает из объяснения Уорфа, обусловлено тем, что они отождествляли два различных понятия и вели себя так, как будто это словосочетание означает (выражает) одно понятие, причем первое из указанных Уорфом. Но в каждом языке множество случаев, когда одним и тем же словом (словосочетанием) выражаются самые различные понятия. И если говорящий на данном языке отождествляет различные понятия лишь на том основании, что они выражены одним и тем же словом (словосочетанием), то из этого вытекает не то, что его поведение определяется природой языка, а то что он не в достаточной степени владеет данным языком. Язык нельзя считать определяющим поведение людей тем более, что нет таких закономерностей в каждом языке, которые обусловили бы данную специфическую обусловленность действия людей в отличие от действий других, говорящих на ином языке.

Исходя из предпосылок субъективного идеализма, в частности из принципов релятивизма, как Кожибский, так и Уорф представляют окружающую нас действительность как калейдоскопический поток впечатлений. Естественно, что в этом случае не независимо от нас существующий мир обуславливает сознание людей, а наоборот, он должен быть «организован нашим сознанием». Считая языковую систему основой сознания, Уорф и Кожибский приходят к выводу о зависимости окружающего мира от языковой системы, «хранящейся в нашем сознании». «Сущность вселенной» — производное от того языка, на котором о ней говорят, — так сформулировал одно из важных положений теории Уорфа Макс Блэк, что показывает мистическую природу философских выводов этой теории².

¹ В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, часть II, стр. 199.

² Не случайно, что в процессе познания предметов Уорф предпочитает иметь дело не с раскрытием их реальной сущности, а с теми грамматическими категориями, от которых будто зависит определяемое. «... Определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из природы, — пишет Уорф, — невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка» («Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 177).

Гипотеза Сепира — Уорфа — Кожибского возникла, конечно, не на голом месте. Хотя и по своему философскому содержанию она выражение определенных идеалистических воззрений в лингвистической теории, но эта гипотеза имеет свои определенные основания. Прежде всего, как неоднократно указывают лингвисты различных направлений, представляет определенный познавательный интерес тот фактический лингвистический материал, который собран Уорфом при изучении языка хопи и языков других индейских племен Америки. Но, конечно, теория Сепира — Уорфа — Кожибского выходит далеко за пределы сугубо лингвистических исследований и затрагивает ряд важнейших проблем теоретико-познавательного характера, в центре которых границы и степень влияния языковых факторов на мышление и поведение людей. При анализе этого вопроса чистоимманентная критика теории лингвистической относительности не может достигнуть цели. Указать внутренние противоречия в этой теории — труд не особенно сложный. Недостаточно также, хотя принципиально очень важно, раскрытие тех «частичек, сторон, граней познания», преувеличение которых превращает в абсолют отдельные зерна истины и тем самым истину превращает в свою противоположность. Установление сферы и степени влияния языка на мышление и поведение людей, — вот то главное, положительным освещением которого не отбрасывается, а диалектически снимается теория лингвистической относительности.

Не претендуя вовсе на решение этого вопроса в указанном аспекте, попытаемся сделать некоторые замечания которые могут представить интерес для поставленной проблемы с точки зрения ее философского содержания.

Прежде всего заметим, что, на наш взгляд, вопрос о том, влияет ли язык на мышление и поведение людей нельзя представить как имеющий два самостоятельных аспекта, в виде: влияет ли язык на мышление и влияет ли язык на поведение людей. Зависимость поведения от языка, если она имеется, опосредована зависимостью мышления от языка. Поэтому, как нам представляется, если доказана зависимость мышления от языка, то этим самым в принципе доказано и влияние языка на поведение людей¹.

Это, сразу же оговоримся, конечно, в том случае, если под «мышлением» подразумевается процесс познания, более точно — логическая ступень процесса познания, хотя и у Уорфа термин «мышление», как уже было отмечено, употреблен довольно туманно и в разных случаях вкладывается различное содержание в него.

Связь языка с мышлением бесспорна. В марксистской литературе давно доказано единство языка и мышления. Это единство вовсе не исчерпывается теми признаками, которые часто приводятся в нашей литературе (возникновение и существование мысли на базе языка).

Язык является не только средством возникновения и существования, средством оформления и передачи мыслей. Функции и сферы применения языка намного шире. Язык передает чувствование, эмоции людей. Средства эмоционального выражения языка разнообразны. Здесь важно то, что некоторые слова в каждом языке содержат в

¹ Анализируя теорию Уорфа, проф. В. А. Звегинцев приходит к выводу: «Выше мы установили независимость сознания и процессов познания от языковых форм. Иное дело нормы поведения. Влияние языковых форм (как их понимает Б. Уорф) на поведение человека подтверждается нашей повседневной практикой. Ведь языковая форма способна подчеркнуть и выдвинуть на первое место определенные признаки, оставив в тени другие. Она может представить то или иное явление в более или менее привлекательном виде и протянуть цепь ассоциаций к эпически или эстетически противоположным фактам. Она может даже оказать известное воздействие на наше суждение, но только в той мере, в какой чувство оказывает влияние на ум» («Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 130).

Нам представляется, что если сознание и процессы познания независимы от языковых форм, то независимо от последних должно быть и поведение, и наоборот, если языковые формы влияют на поведение человека, то они должны прежде всего влиять и на познание, ибо поведение людей не независимо от процессов познания.

себе, помимо лексико-предметного содержания, эмоциональные оттенки. Употребление таких слов безусловно влияет как на познание, так и на нормы поведения людей. Понятийное содержание слов «дети» и «малыши» одно и то же, оно показывает определенный возраст — малолетие. Однако «малыши» в русском языке содержит в себе ласкательный нюанс. Естественно предположить, что при прочих равных условиях слова «дети» и «малыши» вызовут неодинаковые реакции (неважна степень различия) в сознании и поведении людей. Таких примеров в каждом языке очень много. Если в различных языках нет прямого соответствия так называемых слов с эмоциональным содержанием, то в определенном смысле можно утверждать, что не только язык влияет на мышление и поведение людей, но что в этом влиянии имеют свое значение особенности конкретных языков.

Влияние языка на мышление и поведение людей выражается также и в том, что нередко случаи реагирования на так называемую внутреннюю форму слова, между тем как она не только не всегда полностью совпадает с понятийным содержанием слова, но и иногда находится с ним в конфликте. В соответствующей лингвистической литературе часто указывают на такие примеры, как «портной», где в немецком языке в основе значения данного слова лежит признак «резатель», в русском же — признак «шить порты». Можно привести множество примеров из различных языков. Говорящий на том или ином конкретном языке не может не находиться под влиянием языка в указанном аспекте.

К этому вопросу имеет прямое отношение также употребление фигурального значения слова. В процессе развития языка очень часто фигуральное значение слова настолько отдалается от буквального его значения, что реагировать на буквальное значение слова — это означает по крайней мере не понимать смысла сказанного.

Языковое оформление мысли также оставляет свой отпечаток на сознание и поведение людей. Разбирая этот вопрос, О. С. Ахманова приводит такой пример: понятие «кит» в английском языке выражается словом *Whale*, в немецком же — словом *Walfisch*. Немецкое слово состоит из двух корневых морфем — *wal- + -fisch*: кит + рыба, т. е. «кит-рыба». И далее О. С. Ахманова заключает: «Было бы, однако, абсурдным на основании этого факта считать, что немцы и теперь считают кита рыбой»¹. Безусловно, поскольку у немцев имеется научное понятие о ките, постольку и они кита не могут считать рыбой. Но ведь в процессе усвоения языка на сознании людей оставляет «определенный след» и само непосредственное значение слова, тем более в раннем детстве. Вывод О. С. Ахмановой не вызвал бы никакого возражения, если бы люди с раннего детства оперировали только научными понятиями, что вряд ли можно считать правильным.

Для выяснения вопроса влияния языка на сознание людей необходимо учитывать и то важное обстоятельство, что овладение родным языком является процессом, длящимся в течение всей жизни каждого человека. Никто не овладевает языком, так сказать, в чистом виде. Язык передается как наследие от предыдущего поколения. Данное поколение заимствует различными каналами накопленный языковой опыт предыдущего поколения². И перечисленные выше моменты не только не теряют свою силу для будущего поколения, но и, наоборот, проходя через сознание людей, для каждого нового поколения по-новому выражают влияние языка на мышление и поведение людей.

Не считая, что перечислены все возможные случаи влияния языка на мышление и поведение людей, выясним вопрос, каков характер этого влияния, по крайней мере в перечисленных случаях. Нетрудно заметить, что влияние языка на мышление и поведение людей носит прежде всего характер непосредственного, чувственного воздействия,

¹ О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, М., Учпедгиз, 1957, стр. 45.

² Об этом, в частности, см. А. Н. Леонтьев и А. А. Леонтьев, О двойном аспекте языковых явлений, «Философские науки», 1959, № 2, стр. 118, 120—121; О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, стр. 44.

оно не доходит до сути мышления. В этой связи проф. В. А. Звегинцев отмечает, что языковая форма «может даже оказать известное воздействие на наше суждение, но только в той мере, в какой чувство оказывает влияние на ум»¹. Однако, как нам представляется, необходимо сделать следующие оговорки. Во-первых, всегда ли влияние языка на мышление ограничено сферами чувственного влияния или оно выходит за рамки чувственного воздействия и затрагивает некоторые аспекты (пусть в незначительной степени) логического содержания мышления? Когда мы утверждаем, что «студент из шести предметов сдал три предмета» и «студент из шести предметов не сдал три предмета», то с чисто количественной точки зрения здесь нет разницы между этими двумя случаями. В обоих случаях студент сдал три предмета и у него не сдано еще три. Но если даже оба суждения высказаны в одном и том же контексте, они, очевидно, по-разному будут восприняты слушателями. И это не случайно. В одном случае высказывание может быть воспринято как достижение студента, в другом — как констатация его неудачи. И это выходит за рамки эмоциональной оценки событий. Правда, в данном случае важную роль играет логическая форма суждения, тем не менее нельзя игнорировать и роль языкового оформления мысли. Но чтобы акцентировать внимание именно на последнем аспекте, возьмем другой пример: слова «полуполный» и «полупустой» имеют одинаковую лексико-предметную соотнесенность². При тождественной логической форме суждения: «Он читал лекцию в полуполном зале» и «Он читал лекцию в полупустом зале» несомненно отличаются друг от друга не только своим эмоциональным воздействием. Произносящий то или иное суждение высказывает и свое отношение к факту, свою оценку, что выходит за рамки эмоциональности, хотя и основывается в определенном смысле на этом моменте. И это достигается посредством различных языковых оформлений логически идентичной мысли.

Следовательно, влияние языка на мышление нельзя ограничивать лишь его эмоциональным воздействием в «чистом виде». Это тем более так, что в процессе познания чувственное и логическое составляют неразрывное единство, эмоциональное всегда осмыслено, логическое окрашено эмоционально.

Во-вторых, хотя влияние языка на мышление и поведение людей в основном имеет место в сфере эмоционального воздействия, тем не менее оно не должно быть игнорировано при рассмотрении теории лингвистической относительности, несмотря на то, что эта теория рассматривает влияние языка более кардинально, далеко не ограничивается той ролью, которую на самом деле играет язык. Указанное выше рассмотрение необходимо, ибо в гносеологическом плане оно показывает, какие моменты живого познания, какие аспекты влияния языка на мышление и поведение преувеличиваются, превращаются в абсолюты теорией лингвистической относительности, что в итоге приписывает языку роль демиурга того или иного мировоззрения, действия и поведения. Раздувание эмоциональной функции языка, роли конкретного признака, легшего в основу значения слова, фигурального смысла слова, конкретно-языкового оформления слова и т. д. и превращение их в абсолюты — вот гносеологические корни ошибочности утверждения об определяющей роли языка в процессе познания (мышления) и в нормах поведения людей.

Это показывает, что теория лингвистической относительности исходит в конечном итоге из порочных установок позитивизма. Об этом говорит также один из руководящих принципов теории лингвистической относительности — релятивистическое понимание окружающей нас действительности.

С точки зрения Уорфа и Кожибского «конфликт» между языком и реальной действительностью заключается в том, что окружающий мир представляет собою непрерывно изменяющийся процесс, между тем как язык SAE искусственно изолирует

¹ «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 130.

² Этот пример приводил проф. В. А. Звегинцев на Межвузовской научной конференции на тему «Диалектический материализм и современный позитивизм» в феврале 1961 г. в Москве, однако с некоторыми иными выводами.

предметы и их качества. Кожибский неоднократно утверждал, что аристотелевская структура языка обладает свойством элементаризма, т. е. неделимое делит на дискретные сущности. Для новой, общесемантической, неаристотелевской ориентации он предлагал язык с неэлементалистической структурой¹.

«Мы делим на отрезки и осмысляем непрерывный поток явлений именно так, а не иначе.— пишет Уорф.— в большей степени благодаря тому, что посредством нашего родного языка мы становимся участниками определенного «соглашения», а не потому, что эти явления классифицируются и осмысляются всеми одинаково. Языки различаются не только тем, как они строят предложения, но и тем, как они делят окружающий мир на элементы, которые являются материалом для построения предложений». И далее: «Английские обозначения *sky* «небо», *hill* «холм», *swamp* «болото» и им подобные убеждают нас в возможности рассматривать отдельные стороны бесконечного разнообразия природы как отдельные предметы почти так же, как *table* «стол» или *chair* «стул». Таким образом, английский и ему подобные языки дают возможность воспринимать мир как собрание отдельных предметов и событий, соответствующих отдельным словам. Важно другое: как обозначаются в различных языках не искусственно изолированные предметы, а непрерывно изменяющиеся явления природы в развитии, в бесконечном разнообразии ее движения, красок, форм; как поступает язык с облаками, берегами, полетом птиц? Потому что от того как мы воспринимаем природу, зависит наше восприятие вселенной»². Именно в структуральном несоответствии языка и действительности Кожибский рассматривает основной порок индоевропейских языков. В то же время Уорф считает, что языки американских индейцев изображают мир не в виде отдельных объектов-предметов и тем самым «указывают нам путь к возможным новым типам логического мышления и новым способам восприятия вселенной»³.

В этих рассуждениях игнорировано, во-первых, то важное обстоятельство, что окружающий нас мир не только непрерывность развития, но и развитие качественно определенных вещей и событий. Сторонники анализируемой теории непрерывности, как одному из свойств развития, противопоставляют прерывность развиваемых предметов, не понимают единства прерывности и непрерывности в процессе развития. Во-вторых, они ошибочно предполагают, что именно от характера языка зависит картина воспринимаемой действительности и что «прерывание непрерывного», огрубление движения — свойство определенных языков, в частности языка SAE. Поэтому другие языки могут привести и приводят к новым типам мышления. Между тем именно спецификой природы мышления, как и познания в целом, объясняется некоторое огрубление отражаемой действительности, как процесса развития. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление,— и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей»⁴.

* *

В итоге можно прийти к следующему заключению. Теория лингвистической относительности (гипотеза Сепира — Уорфа — Кожибского) есть раздувание, преувеличивание влияния языка на мышление и поведение людей. В основном влияние языка на мышление и поведение людей носит эмоциональный характер, хотя здесь нельзя видеть абсо-

¹ См. Kozubski, *Science and Sanity*, second edition, p. XXVI и др.

² «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 192—193.

³ Там же, стр. 193.

⁴ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 243.

лютные грани и не замечать, что в отдельных случаях языковые средства могут повлиять также на логическое содержание мышления. Тем не менее и это необходимо подчеркнуть; влияние языка несколько не затрагивает структуру и природу мышления, характер поведения людей. Абсолютизация значения отдельных фактов языков американских индейцев, превращение в абсолют влияния языка на мышление и поведение людей (в указанном выше смысле) привело сторонников теории лингвистической относительности к идеалистическим выводам об обусловленности мировоззрения людей характером языка. Этот и подобные выводы опровергаются многовековой практикой наций и народов, историей развития языков, историей философии.

Конкретное изучение фактов языковой действительности самых разнообразных по своей структуре языков и выявление разнообразных форм взаимоотношения языка, мышления и поведения в историческом и логическом плане, а также осмысление этих фактов с точки зрения диалектического материализма является одной из важных задач наших лингвистов, антропологов, логиков и философов.

ԼԵՉՎԱՐԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱՐԵՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՓԻԼՍՈՓԱՅԻՆ ԴԵՄՈՆՏՐԱԿԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

Գ. Ա. ԲՐՈՒՏՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Լեզվարանական հարաբերականության տեսության, կամ Սեպիր-Ուորֆ-Կոթիրսկու հիպոթեզի համաձայն մարդկանց մտածողությունը, աշխարհայացքը և գործողությունները հիմնականում պայմանավորված են այն լեզվի բնույթով և առանձնահատկություններով, որով նրանք արտահայտում են իրենց մարերը: Այս հիպոթեզը Ուորֆը աշխատել է հիմնավորել ամերիկյան հնդկ ցեղերի լեզուներից վերցրած փաստերով: Մյուս կողմից, Կոթիրսկին և ընդհանուր սեմանտիկայի այլ ներկայացուցիչները փորձել են այդ հիպոթեզի օգնությամբ հաստատել իդեալիզմը լեզվի փիլիսոփայության բնագավառում:

Սեպիր-Ուորֆ-Կոթիրսկու հիպոթեզի բնական վերլուծության հիման վրա հողվածում ցույց է տրված, որ լեզվարանական հարաբերականության սկզբունքը մարդկանց մտածողության և գործողության վրա լեզվի ազդեցության միակողմանի չափազանցումն է, բացարձականացումը, արսույլուտի հանգեցումը: Լեզվի ազդեցությունը մտածողության և գործողության վրա հիմնականում էմոցիոնալ բնույթ ունի և վճռայած որոշ դեպքերում այդ ազդեցությունն իր առանձնահատուկ կնիքն է դնում մտածողության տրամաբանական բովանդակության վրա (բայի այն բանից, որ տրամաբանականն ու էմոցիոնալն ընդհանրապես գտնվում են դիալեկտիկական միասնության մեջ), այն չի բնորոշում մարդու ինչպես մտածողության կառուցվածքն ու բնույթը, այնպես էլ գործողությունների շարժառիթները: